

М.Э. Корганова*

**ТЕОРИЯ ВЫЖИВАНИЯ В НАЦИСТСКИХ ЛАГЕРЯХ
БРУНО БЕТТЕЛЬХЕЙМА И МЕТОД ЛОГОТЕРАПИИ
ВИКТОРА ФРАНКЛА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ИЗУЧЕНИЮ
СТРАТЕГИЙ ВЫЖИВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ СОВЕТСКИХ
ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ В 1929–1939 гг.**

M.E. Korganova

**BRUNO BETTELHEIM'S THEORY OF SURVIVAL
IN THE NAZI CAMPS AND VIKTOR FRANKL'S METHOD
OF LOGOTHERAPY IN RELATION TO THE STUDY OF
THE SURVIVAL STRATEGIES OF PRISONERS OF SOVIET
FORCED-LABOR CAMPS IN 1929–1939**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности процесса психологической адаптации заключенных ГУЛАГа и национал-социалистических рабочих лагерей Германии к длительному существованию в экстремальных условиях. Коллективный биографический опыт выживания советских заключенных, нашедший отражение в корпусе эго-документов, проанализирован автором с позиции психосоциальных теорий, созданных бывшими узниками Терезиенштадта, Дахау и Бухенвальда, австрийскими учеными В. Франклом и Б. Беттельхеймом. В статье описываются и исследуются изменения, происходившие с личностью заключенного на каждой из трех стадий психологического восприятия им лагерной реальности: первичного шока, или травматизации при попадании в лагерь, апатии, которая рассматривается как главный защитный механизм психики, и деперсонализации при освобождении из лагеря. Процесс адаптации заключенного к условиям лагеря чаще всего предполагал налаживание сотрудничества с лагерной администрацией, в той или иной форме. В исследовании выделяются легальные (работа по специальности, участие в лагерной самодеятельности, служба в ВОХР, работа в качестве информатора-осведомителя) и нелегальные (практики блата, «туфты», взяточничество и хищения, добровольное сожительство заключенных-женщин с личным составом лагерей) формы

* *Корганова Мария Эдуардовна*, аспирант школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Korganova Maria Eduardovna, Postgraduate Student, School of History, National Research University Higher School of Economics
lumbrada@bk.ru

кооперации между заключенными и лагерной администрацией. Веру в Бога, умение видеть красоту природы и наслаждаться искусством, занятия профессиональной деятельностью, самонаблюдение, мысленную связь с близкими людьми, и, в не меньшей степени, способность сохранять чувство юмора автор относит к сознательным поведенческим моделям, которые помогали заключенному уберечь свою личность от разрушения. Наряду с этими поведенческими паттернами в исследовании выделяется ряд так называемых «антизащит», ухудшающих моральное состояние заключенного и ослабляющих его личность: погруженность в мысли о собственной невинности, что порождало нетерпеливое ожидание скорого освобождения, постоянные мечты о еде и бытовых удобствах, склонность верить лагерным слухам, агрессивность. Автор уделяет внимание рассмотрению таких проблем, как: содержание понятия «выживание», границы влияния лагерной среды на человека, трансформация идентичности выжившего заключенного.

Ключевые слова: стратегии выживания, ГУЛАГ, немецкие концентрационные лагеря, адаптация заключенных.

Abstract. The article discusses the features of the process of psychological adaptation to a long existence in extreme conditions by prisoners of the Gulag and the National Socialist forced-labor camps in Germany. The Soviet prisoners' collective biographical experience of survival, reflected in the corpus of ego documents, was analyzed by the author from the standpoint of psychosocial theories created by former prisoners of Theresienstadt, Dachau and Buchenwald, Austrian scientists V. Frankl and B. Bettelheim. The article describes and explores the changes that occurred with the prisoner's personality at each of the three stages of their psychological perception of the camp realities: primary shock, or traumatization upon entering the camp, apathy, which is viewed as the main defence mechanism of the psyche, and the depersonalization at the time of the release from the camp. The process of adaptation of a prisoner to the camp's conditions most often involved one or another form of cooperation with the camp administration. The study highlights these types of cooperation, both legal (practice of profession, participation in the camp amateur activities, service in the militarized guard VOKhR, and work as an informant whistle-blower) and illegal (practices of fraternization, scam, bribery and embezzlement, voluntary concubinage of female prisoners with camp personnel). The author classifies belief in God, the ability to value the beauty of nature and enjoy art, engagement in professional activities, self-observation, mental connection with the loved ones, and, equally, the ability to retain a sense of humour as conscious behavioral models that helped prisoners to resist destruction of personality. Along with these behavioral patterns, the study identifies a number of so-called anti-defences that worsened the prisoner's morale and weakened their personality: immersion in thoughts of their own innocence, which gave rise to an impatient expectation of imminent release, constant dreams of food and home comforts, a tendency to believe camp rumors, aggression. The author also focuses on such issues as the content of the concept of "survival",

limits of the influence of the camp environment on a person, transformation of the identity of a surviving prisoner.

Keywords: survival strategies, Gulag, German concentration camps, adaptation of prisoners, Bruno Bettelheim, Viktor Frankl.

* * *

Известно, что система лагерей Третьего Рейха и ГУЛАГ были созданы в разное время и с разными целями. Политические режимы, специфические особенности карательной политики и методы социальной инженерии, породившие немецкие Arbeitslager и сталинские исправительно-трудовые лагеря, были различными, и эти две лагерных системы следует сравнивать с сугубой осторожностью. Несомненно одно: и нацистский и коммунистический режимы отличались крайней степенью пренебрежения к человеческой жизни, стремлением насильственно изменить, фактически разрушить личность заключенных, полностью обесценив их собственное «я»¹, превратить их в послушную массу, где невозможно ни индивидуальное, ни групповое сопротивление. И в лагерях национал-социалистической Германии, и в исправительно-трудовых лагерях СССР была высокая концентрация заключенных. Однако в немецких трудовых лагерях победила идея наказания и уничтожения, а не работы и продуктивности: средняя продолжительность трудовой деятельности — а значит, и жизни заключенных немецких лагерей в 1943–1944 гг. составляла один–два года; чрезвычайно высокий уровень смертности, приток новой рабочей силы, постоянное перемешивание заключенных препятствовали формированию устойчивых социальных связей между заключенными и администрацией. В исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа, напротив, возобладали экономические приоритеты, им отводилась ключевая роль в промышленном освоении отдаленных и малопригодных для жизни территорий СССР, заключенные находились там в течение гораздо более длительного периода времени, чем узники немецких лагерей (согласно постановлению СНК СССР, в ИТЛ направлялись лица, осужденные на срок от 10 лет). Поэтому

¹ У исследователя лагерного социума может сложиться впечатление, будто весь комплекс реакций заключенных, их поведение и поступки целиком определялись средой и условиями жизни, в которых они вынужденно находились. Проблема пределов влияния лагерной среды на человека будет подробнее рассмотрена в заключении к этой статье, пока заметим лишь, что наличие или отсутствие у заключенного внутренней духовной свободы — свободы выбирать свое собственное отношение к происходящему было для него единственным способом сохранить личное достоинство и не позволить лагерной системе «опредметить» себя.

именно о ГУЛАГе мы можем говорить как об особом полуизолированном сообществе, с присущим ему образом жизни, внутренней организацией и социально-психологическим климатом. Сотни тысяч людей, принадлежавших этому сообществу, на протяжении многих лет ежедневно контактировали друг с другом², и их взаимодействие подчинялось специфической системе норм, обусловившей определенные стандарты и типы социального поведения.

Теоретической основой данной попытки начать разговор о выживании людей в экстремальных условиях концентрационного лагеря стали два бесценных исследования — «Просвещенное сердце» Бруно Беттельхейма и «Сказать жизни “Да”: психолог в концлагере» Виктора Франкла, двух австрийских ученых-психологов и психиатров, которые в разное время на протяжении 1938–1943 гг. находились в нацистских концентрационных лагерях Терезиенштадт, Дахау и Бухенвальд. Обоим посчастливилось выжить в нечеловеческих условиях, с мизерной вероятностью остаться в живых.

Уникальность психосоциальных теорий Б. Беттельхейма и В. Франкла заключается в самом стремлении ученых наблюдать и анализировать происходящее и, таким образом, продолжать научную работу, находясь в концлагере. Это стремление стало способом сохранить самоуважение, защитить свою личность от разрушающего воздействия лагеря, своего рода стратегией выживания. Основная цель обоих авторов состояла в том, чтобы научно объяснить происходящее с заключенными, их реакции, чувства и переживания. И Франкл, и Беттельхейм вынужденно находились внутри изучаемой ими среды — это является важнейшей особенностью их психологических исследований. С одной стороны, любому ученому, особенно психологу, необходима дистанция от изучаемого им объекта (лагерного общества), с другой — ни один внешний наблюдатель не в состоянии полностью понять происходившее в концлагерях и достоверно рассказать о мучительной лагерной повседневности, происходящих с личностью психологических, морально-этических изменениях и выживании людей в экстремальных условиях голода, произвола лагерной администрации, насилия и ежедневной сверхэксплуатации. Поэтому взгляд на объект изучения «изнутри», когда исследователь лично пережил все что он анализирует и наблюдает, дает единственную возможность прийти к достоверным выводам,

² Исправительно-трудовые лагеря ГУЛАГа — это, прежде всего, неотделимый от структуры советского общества, на определенном этапе, социальный институт. Согласно ведомственной статистике МВД и Министерства юстиции за 1930–1952 гг. судебными и внесудебными органами в СССР было вынесено около 19 млн приговоров к лишению свободы (не считая административно высланных в спецпоселения).

он же таит в себе главную методическую трудность и для Франкла и для Беттельхейма.

Комплекс эго-документов заключенных советских исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа 1929–1939 гг.³ изучался автором сквозь призму теоретических выводов австрийских ученых, касающихся психологических и морально-этических аспектов выживания, изменений, происходивших с личностью заключенного, набора возможных психологических защит и «антизащит», общих для узников лагерей Третьего рейха и заключенных ГУЛАГа.

Согласно наблюдениям Беттельхейма и Франкла, в процессе психологического восприятия заключенным лагеря выделяются три стадии: стадия первичного шока и травматизации при попадании в лагерь, стадия физиологической и психологической адаптации к лагерю, которая сопровождалась наступлением апатии, эмоциональной черствостью, утратой сочувствия и регрессией к детской психологии, и, наконец, стадия деперсонализации при освобождении из лагеря.

Шок и травматизация на первом этапе были обусловлены ощущением полной беспомощности, чувством растерянности и отчаянием, которые переживали люди от внезапного ночного ареста, обвинений следователя, нередко пыток во время следствия, необоснованного приговора внесудебных карательных органов, который выносился заочно (в случае с заключенными ГУЛАГа) или отсутствия даже видимости судебного делопроизводства (в случае с заключенными немецких концлагерей, попадающими туда после начала Второй мировой войны), незнания осужденным своего приговора и срока пребывания в концлагере. Эти чувства только усиливались от ужасающих условий транспортировки заключенных как в СССР, так и в Третьем Рейхе: люди испытывали жажду и голод, они не знали, в какой именно лагерь их направили, скученность и антисанитария приводили к высокой смертности среди этапирруемых. Процедура сдачи–приема вновьприбывших партий заключенных обычно сопро-

³ Электронная база данных «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы» (<http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=list>; дата обращения: 10.09.2018) содержит 1514 опубликованных библиографических справочных сведений об авторах, 1450 фотографий большинства авторов и 1510 текстов воспоминаний бывших узников ГУЛАГа и диссидентов, изданных до 2009 г. на русском языке. Из почти полутора тысяч текстов воспоминаний о ГУЛАГе автор настоящей работы выбрал 95 текстов, написанных бывшими заключенными исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа в период 1929–1939 гг. В выборку вошли не только мемуары (хотя они составляют подавляющее большинство текстов), но также письма заключенных, автобиографические рассказы и повести, записки, материалы биографов, дневники и художественная проза (антироман В.Т. Шаламова «Вишера», его же сборник «Колымские рассказы» и собрание автобиографических очерков «Россия в концлагере» И.Л. Солоневича).

вождалась долгими и изнурительными поверками, оглушительным собачьим лаем, иногда показательными публичными расстрелами одного или нескольких заключенных якобы «за неповиновение администрации лагеря», что только усиливало чувство беспомощности, страха и отчаяния остальных.

Наблюдения Виктора Франкла за поведением заключенных-новичков, прибывающих в немецкие концлагеря, подтверждаются воспоминаниями некоторых бывших заключенных ГУЛАГа — шок и травматизация, характерные для первой стадии психологического переживания лагеря нередко приводили к отсутствию страха смерти и суицидальным мыслям у недавно прибывших в лагерь заключенных. Воля к жизни у людей, попадавших в нацистские или советские трудовые лагеря, была подавлена не только потому, что они внезапно лишались гражданских прав, социального статуса, работы, имущества, но особенно потому, что все их дружеские, семейно-родственные связи и эмоциональные привязанности были насильственно разорваны. Это состояние шока очень точно описывает в своих воспоминаниях экономист Ольга Адамова-Слиозберг, узница Соловецкого и Колымского лагерей, арестованная в 1936 г.: «Всё. Отрезана жизнь. Я одна против огромной страшной, злой машины, которая хочет меня уничтожить...»⁴.

Безусловно, восприятие травматической ситуации зависело не только от личности человека, его социального происхождения, политических и религиозных взглядов, но и от наличия или отсутствия опыта отсидки за уголовные или политические преступления. Далеко не все группы заключенных в равной степени нуждались в адаптации, например, уголовники менее всех испытывали шок от заключения и лучше были адаптированы к лагерной среде. Лагерное руководство нацистской Германии и особенно руководство ГУЛАГа привлекало заключенных-уголовников к работе на низовых административно-хозяйственных должностях, военизированная охрана (ВОХР) также комплектовалась главным образом из числа «социально близких» заключенных⁵, что приводило к террору, грабежам и издевательствам

⁴ Адамова-Слиозберг О.Л. Путь / Предисл. Н. Коржавина; художник Д.С. Мухин. М., 1993.

⁵ В СССР этому особенно способствовал принцип классового подхода, на котором была основана карательная политика ОГПУ-НКВД: низовую лагерную администрацию ГУЛАГа составляли наиболее хваткие и оборотистые заключенные, в 90% уголовники, которым удавалось различными способами выдвинуться на должности воспитателей, ротных, взводных, бригадиров и десятников. Если начальника лагеря основная масса заключенных видела сравнительно редко, то с бригадирами, ротными и нарядчиками осужденные контактировали каждый день, и не просто контактировали, а целиком зависели от них. Некоторые низовые начальники до-

уголовников над остальными узниками с молчаливого согласия коменданта или начальника лагеря.

Стадия травматизации и шока — знакомства с ужасающей лагерьной действительностью, или, как назвал ее Беттельхейм — «инициация в мучения», сменялась самой длительной стадией — привыкания к лагерьной жизни. Именно в этот период каждый заключенный эмпирическим путем определял и реализовывал приемлемую для себя стратегию выживания. Адаптация к существованию в лагере происходила как на психологическом, социальном, так и на физиологическом уровне.

Многие заключенные, в том числе Виктор Франкл, попадая в лагерь с удивлением обнаруживали, что физиологические возможности человеческого организма в экстремальных условиях гораздо шире, чем принято думать: «...в Аушвице я спал на трехэтажных нарах, где на каждом этаже, размером примерно 2×2,5 м, лежали прямо на голых досках по 9 человек, на которых полагалось 2 жалких одеяла. Мы, конечно, могли уместиться, только лежа на боку, тесно вжавшись друг в друга, впрочем, в нетопленном бараке это было не лишним. Из других подобных неожиданностей можно упомянуть следующие: разумеется, пришлось забыть о зубных щетках, разумеется, мы испытывали жесточайший авитаминоз, но состояние десен было лучше, чем когда-либо раньше, в периоды самого здорового питания. Да мало ли что еще оказалось возможным! Полгода носить одну рубашку, пока она буквально не истлеет на теле, много дней подряд не умываться, потому что замерз водопровод, не мыть руки, вечно грязные от земляных работ, и обойтись без ран и воспалений — правда, до тех лишь пор, пока не начались отморожения. Или: человек, которого прежде будил малейший шорох в соседней комнате, сейчас засыпает, едва свалившись на нары, спит бок о бок с товарищем, храпящим ему в самое ухо. Приходишь к выводу, что прав был Достоевский, определив человека как существо, которое

бывались безоговорочного выполнения производственных норм заключенными, их рвение превосходило требования вышестоящего начальства. Кто-то из прорабов и бригадиров боялся потерять должность, кто-то просто привыкал к власти. В результате бригадиры и нарядчики проявляли исключительную бесчеловечность по отношению к своим товарищам, которым приходилось безмолвно сносить оскорбления, издевательства, махинации бригадиров с отчетными документами. Компетентный в строительстве, лесозаготовках или иных лагерьных производствах прораб или бригадир был в лагере большой редкостью. В полном соответствии с известным лозунгом: «советская власть не карает, а исправляет!» в штате культурно-воспитательных отделов лагерей существовали должности «воспитателей». Все авторы воспоминаний сходятся во мнении, что воспитателями назначались исключительно уголовники, осужденные за преступления различной степени тяжести.

ко всему привыкает. Если бы нас спросили, насколько это верно, мы бы ответили: “Да, это так. Человек ко всему привыкает. Но не спрашивайте нас — как”⁶. Совершенно раздетые, заключенные ГУЛАГа во время санитарной обработки подолгу ждали своей очереди перед входом в баню и выдачи своей одежды после мытья — некоторые мемуаристы позднее удивлялись, что никто из них не подхватил простуду, находясь на морозе!

Привыкание к скученности, отсутствию постельных принадлежностей, предметов элементарной гигиены, к общей антисанитарии, пище низкого качества было необходимо для выживания в лагере, но оно имело и обратную сторону: заключенный, которому удавалось вполне адаптироваться к жутким бытовым условиям, зачастую опускался в моральном отношении. Писатель Олег Васильевич Волков, узник Соловецкого, а затем Ухтинско-Печорского лагеря, отдавший ГУЛАГу почти 27 лет своей жизни, в своей знаменитой книге «Погружение во тьму» описывает, как по прибытии в Соловецкий лагерь он не мог заставить себя лечь на нары, покрытые клопами⁷...

Любопытно, что стремление некоторых заключенных к минимальной бытовой чистоплотности в ужасающих санитарно-гигиени-

⁶ Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. М., 2011. С. 21–22.

⁷ «Я еще настолько зелен, что не могу даже днем ненадолго прилечь из-за фантастического количества клопов. Они ползут по стойкам нар сплошными вереницами, как муравьи по стволу полюбившегося дерева. Преодолеть брезгливость невозможно, хотя усталость и валит с ног. Я выхожу на улицу — к тем, кто, подстелив что попало на камни с влажными ямками между ними, устраивается там спать... С подлинным ужасом слежу за дневальным — всклокоченным мужиком в неопикуемых лохмотьях с потемневшим, покрытым коростой лицом и свирепыми непогасшими глазами. Он не говорит по-человечески, только хрипло матерится. Получая хлеб в каптерке на барак, умудряется урвать себе несколько паек. И прячет их в зашнурованных обносках, грудой наваленных в его углу. Когда, согнувшись над лоханкой с баландой, словно заслоняя ее всем телом, он сидит там и, чавкая, давясь, жадно и торопливо ест, то кажется, подойди ближе — зарычит и покажет зубы. И этот изъеденный насекомыми, утративший человеческое подобие отверженный шалест и суетится, лишь начинают выкликать на этап: боится, что его стронут с места! Он уже два года дневалит в этом бараке... И перемен не хочет ни за что. Свыкнуться с этим кошмаром! Жить не в грозном, фантастическом аду, в этом воспетом поэтами царстве дьявола, а в аду — помойной яме?! В клоаке, смрадном загоне, выворачивающем наружу подлую изнанку существования, заставляющем дышать испарениями скученных немывтых тел, уложенных сплошным слоем на липких, почерневших от грязи горбылях? ... И как же незаметно для себя человек поддается, соскальзывает в эту яму, опускается, подлеет... Но это наблюдения уже прошедшего не через один лагерь человека. Тогда же я был еще новичком, не поборовшим предрассудков и предубеждений, внушенных воспитанием. С тоской глядел я на мирно спящих, покрытых клопами людей, завидовал им и... И не мог решиться лечь!». — *Волков О.В. Погружение во тьму. М., 1989. С. 24.*

ческих условиях немецких и советских трудовых лагерей вызывало ненависть лагерной охраны и настойчивое желание искоренить это «чистоплюйство»⁸, потому что оно было ни чем иным, как актом свободной воли человека, стремящегося сохранить некоторую, пусть очень незначительную область свободного поведения, удержать контроль над какими-то важными аспектами жизни⁹.

Неотъемлемым и важнейшим элементом первоначальной адаптации любого заключенного к пребыванию в лагере было налаживание полезных связей и знакомств с лагерной администрацией и другими заключенными (прежде всего соседями по бараку и рабочей бригаде), потому что жизнь узника во многом зависела от помощи, в том числе моральной, товарищей по несчастью. Лагерные знакомства довольно часто начинались с рассказов о своем «деле». Эти откровения играли важную роль в идентификации друг друга по социальному происхождению, политическим, религиозным взглядам, культурному бэкграунду и наличию общего круга знакомых на воле. В то же время были и такие заключенные, кто избегал разговоров на эту тему. Следует отметить, что практически все заключенные советских исправительно-трудовых лагерей в той или иной степени со-

⁸ Достаточно вспомнить, как эсэсовцы заставляли вновь прибывших узников вывозить нечистоты по кочковатому полю, внимательно наблюдая за работающими узниками, и били их, если видели, что те пытаются вытереть с лица брызги. Местное лагерное начальство в ГУЛАГе также предпочитало именно духовенству и интеллигенции поручать чистку уборных и другую грязную и унижительную работу.

⁹ Режиссер В.Я. Дворжецкий, заключенный Туломского лагеря, одним из неизменных условий выживания заключенного в лагере считал заботу о своем здоровье и личную гигиену: «Лагерь есть лагерь! Что тюрьма, что клетка — одно. Неволья. Тяжелая работа, плохая пища, худая одежда — это все привычно в нашей «веселой» жизни и на свободе, но неволья, тюрьма — к этому привыкнуть нельзя! Можно приспособиться, притерпеться, но смириться? Никогда! Преодолевать нужно свое положение и состояние. По-разному можно пытаться преодолевать: работа, дело, как ни странно (если попробовать увлечься делом), помогает, надежда на скорое освобождение, вера в правоту свою, вера в идеалы, вера в Бога. Стремление сохранить себя для жизни — это внимание к здоровью, гигиена, гимнастика и, наконец, постоянное и непрерывное обдумывание и планирование побега. Не дай бог власть в состояние безнадежности: «Все равно гибель... каторга... отсюда не выйти... все пропало... бесполезно сопротивляться... ничего уже не поможет... конец». И, действительно, наступает конец. Человек не умывается, не раздевается, вши его заедают, он избегает работы, чахнет от тоски, ничему не сопротивляется, тихо гибнет, превращается в доходягу. Это, к сожалению, судьба и участь большинства интеллигенции. Можно себе представить профессора, ученого: грязного, обросшего, опустившегося до предела, в лаптях и рваной телогрейке, подвязанной обрывком веревки, профессора, бывшего ректора столичного университета, роющегося в дерьме в поисках съедобного зернышка пшеницы!.. Страшно!». — *Дворжецкий В.Я. Пути больших этапов: Записки актера. М., 1994. С. 43–44.*

трудничали с лагерной администрацией, и эта кооперация принимала разнообразные формы. Коллективный биографический опыт бывших советских заключенных, отраженный в 95 текстах мемуаров, писем, автобиографических рассказов, повестей, художественной прозы, записок и дневников, позволяет нам выделить легальные формы сотрудничества, такие как работа по специальности, участие в лагерной самодеятельности, служба в ВОХР и работа в качестве информатора-осведомителя, а также нелегальные, но прочно закрепившиеся практики блата, туфты, пособничества и соучастия заключенных в преступной деятельности руководства лагеря (взятки и хищения), а также добровольного сожительства заключенных-женщин с личным составом лагерей и военизированной охраной.

В настоящей статье мы не будем подробно останавливаться на проблеме кооперации между заключенными и лагерной администрацией — для нас гораздо важнее и интереснее рассмотреть психологическую адаптацию заключенных и проанализировать изменения личности, происходившие под воздействием лагерной среды. В проблеме сотрудничества между заключенными и администрацией следует акцентировать внимание лишь на морально-этическом аспекте. Безусловно, кооперация с лагерной администрацией была выгоднее для заключенного, чем противостояние, но чем дольше удавалось выжить заключенному, тем больше он находил общих точек с СС или лагерной администрацией ГУЛАГа, тем в большей степени он усваивал ценности, нормы и модели поведения своих тюремщиков. Крайней формой такой трансформации взглядов заключенного можно считать работу зондеркоммандо в немецких концлагерях или «пособников» в ГУЛАГе. В своих воспоминаниях о Соловецком лагере в ранний период его существования оперуполномоченный Николай Игнатьевич Киселев-Громов называет «пособниками» тех заключенных, которые в борьбе за собственную жизнь пользовались любыми средствами, например, заключенные-врачи зарабатывали досрочное освобождение путем искусственного «подтягивания» численности здоровых и годных к тяжелому физическому труду заключенных до плановых показателей за счет исправления категории работоспособности в формулярах и отправки слабосильных заключенных на общие тяжелые работы. Десятники, нарядчики и старосты из числа заключенных, руководившие бригадами лесорубов, избивали их и писали на них доносы, чем демонстрировали полную лояльность лагерному руководству. Борис Лукьянович Солоневич, работавший в 1933 г. начальником санитарной части Свирского ИТЛ, рассказывает, как он заполнял пустые бланки актов о смерти заключенных, расстрелянных за пределами лагеря без суда и объявления приговора

по указанию начальства ГУЛАГа. Солоневич был вынужден «задним числом» вписывать первые пришедшие ему на ум диагнозы смертельных болезней¹⁰. Во всех вышеперечисленных примерах заключенные, обладающие некоторыми, пусть даже небольшими полномочиями, были не в состоянии отказаться от пособничества и вынужденного, а иногда и добровольного соучастия в реализации карательной политики советской власти. Эти люди очень редко полностью отдавали себе отчет в происходившей в них трансформации моральных принципов и убеждений.

Вернемся к характеристике второй стадии психологического переживания лагеря. У заключенных, переживших шок и травматизацию, наступал период апатии и бесчувствия: угасало сострадание, наступало безразличие к своей и чужой физической и душевной боли, унижениям, побоям, смертям своих товарищей. При внимательном изучении мемуаров заключенных особенно поражает их безразличие к смерти, которая является предельным психологическим потрясением для человека в нормальных условиях существования. Виктор Франкл профессионально удивляется своему равнодушию, с которым он доедает свой обед, глядя в окно на труп только что умершего от тифа заключенного, с которым разговаривал всего пару часов назад¹¹...

Апатия была ключевым механизмом психологической защиты заключенных и, в то же время, главным симптомом фазы адаптации к лагерю. Реальность узников сужалась, все мысли и чувства концентрировались на одной единственной задаче: выжить! У наиболее духовно развитых людей (это были, чаще всего, политические заключенные, представители аристократии и интеллигенции, верующие миряне и духовенство) наступление апатии сопровождалось уходом в свой внутренний мир — мир духовной свободы. Душевная и интеллектуальная жизнь остальных под действием постоянного психологического лагерного пресса стремительно деградировала. Интеллектуальная деятельность угасала, речь становилась примитивной, активный словарный запас наполнялся преимущественно уголовным жаргоном и ругательствами, употребляемыми для «краткости» и «лучшего понимания друг друга», слова обозначающие чувства, эмоции и переживания исчезали за ненадобностью¹². Общение

¹⁰ Солоневич Б.Л. Молодежь и ГПУ // Воспоминания соловецких узников. Т. 2: 1925–1928. Соловки, 2014. С. 356–426.

¹¹ Франкл В. Указ. соч. С. 26–27.

¹² В рассказе «Сентенция» В.Т. Шаламов описывает примитивизацию речи заключенных, которая отражала деградацию их духовной жизни. Внезапно пришедшее на ум автору слово вызывает в нем всплеск эмоций — Шаламов ощущает

заклученных в свободные от работы часы сводилось в основном к обсуждению лагерных слухов, постоянным мечтам о еде и некоторых бытовых удобствах.

Психоэмоциональная адаптация узника к лагерю требовала избавления от привязанности к семье и друзьям, которая, с одной стороны, вызывала чувство вины, огорчения, сильной душевной боли, но в то же время являлась важным ресурсом внутренней силы для человека и воли к жизни. Постепенному отмиранию эмоциональных привязанностей заключенного к близким, резко и насильственно разорванных в момент ареста, приговора и этапирования в лагерь, способствовало отсутствие определенности по поводу срока заключения (зачастую заключенные не знали своего приговора, либо после отбытия срока заключения они совершенно незаконно получали уведомление о том, что им добавлен новый лагерный срок, эта практика была особенно распространена в ГУЛАГе во время Великой Отечественной войны). В разговорах между собой те, кто уже давно находился в лагере, старались избегать тем, связанных с семьей, друзьями, работой и своим прежним положением в обществе. Некоторые авторы воспоминаний о ГУЛАГе, как и Беттельхейм, утверждают, что самоизоляция заключенных-старожилов, находившихся в лагере более года, приводила к потере ими интереса ко всему, что не имело непосредственного отношения к лагерной жизни, мир за пределами зоны просто переставал для них существовать. Заключенные старались не думать ни о чем, кроме ежедневных, насущных, маленьких действий, подчиненных только одной цели, — выжить. В своих воспоминаниях о Колымских лагерях Варлам Тихонович Шаламов описывает, как он, будучи заключенным, раскуривал обрывок газеты, совершенно не интересуясь новостями с воли: «Мозг слабеет. Мир Большой земли становится таким далеким, таким ненужным со всеми его проблемами <...>. Клочок газеты, подхваченный в парикмахерской вольной, не вызывает никаких эмоций, кроме оценки — сколько

восполнение лексического запаса как внезапное чудо своего возвращения из небытия: «Не один год я не видел газет и книг и давно выучил себя не сожалеть об этой потере. Все пятьдесят моих соседей по палатке, по брезентовой рваной палатке, чувствовали так же — в нашем бараке не появилось ни одной газеты, ни одной книги. Высшее начальство — прораб, начальник разведки, десятник — спускалось в наш мир без книг. Язык мой, приисковский грубый язык, был беден, как бедны были чувства, еще живущие около костей. Подъем, развод по работам, обед, конец работы, отбой, гражданин начальник, разрешите обратиться, лопата, шурф, слушаю, бур, кайло, на улице холодно, дождь, суп холодный, суп горячий, хлеб, пайка, оставь покурить — двумя десятками слов обходился я не первый год. Половина из этих слов была ругательствами». — *Шаламов В.Т.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М., 1998. С. 357–364.

цигарок махорочных выйдет из этого газетного клочка. Никакого желания знать о Большой земле, хотя мы с самой Москвы, уже около года, не читали газет. Много и еще пройдет лет, пока ты с испугом, с опаской попробуешь прочесть что-то газетное. И опять не поймешь. И газета покажется тебе ненужной, как и в 38-м году»¹³.

Примитивизация душевной жизни большинства заключенных, обеднение их речи сочетались с регрессией к «детской» психологии. Основными признаками этого процесса было стремление заключенного раствориться в общей массе, стать незаметным, не привлекающим внимания и уход от принятия собственных решений даже в самых незначительных вопросах, что приводило к постепенной утрате собственной личности. Эти специфические поведенческие модели целенаправленно прививались лагерной администрацией обеих лагерных систем, которая была заинтересована в воспитании легкоуправляемого и «по-детски покорного» «контингента».

Достижению этой цели способствовало принуждение узников к бессмысленной работе, которое широко практиковалось и в Германии и в СССР. Беттельхейм пишет о том, как узники перетаскивали тяжелые камни с места на место, рыли ямы голыми руками. Д.С. Лихачев рассказывает, что заключенные в Соловецком лагере работали в качестве «вридли» (тягловой силы) (лагерная администрация сэкономила мускульную силу лошадей, заменяя одну лошадь пятью заключенными), а заключенных-штрафников заставляли зимой переливать воду из одной проруби в другую. Выполняя бессмысленную работу, люди теряли самоуважение и превращались в послушных «детей».

Введение принципа групповой ответственности, когда за провинности или побег одного заключенного наказывали всю рабочую группу или бригаду, также было направлено против индивидуума и способствовало установлению постоянного и очень жесткого контроля самих заключенных над отдельной личностью. Беттельхейм замечает по этому поводу следующее: «Именно в интересах группы было сдерживать всякого, кто своим поведением мог бы ей навредить. Как уже отмечалось, угроза наказания возникала чаще, чем само наказание, что вынуждало группу утверждать свою власть над индивидуумом чаще и иногда даже эффективнее, чем это делало СС»¹⁴.

¹³ Шаламов В.Т. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2004. С. 145–263.

¹⁴ Беттельхейм Б. Люди в концлагере. [Главы из книги «Просвещенное сердце»] // Человек. 1992. №2.

Как уже говорилось ранее, в процессе адаптации к лагерным условиям большинство заключенных формировало индивидуальные стратегии выживания, выбор которых определялся морально-этическими и политическими убеждениями узника, его физическим здоровьем, психологической устойчивостью, владением технической специальностью, наличием образования, принадлежностью к той или иной социальной группе. Выживет или погибнет человек в лагере, во многом зависело от отношения начальства, строгости лагерного режима или даже случайного стечения обстоятельств.

Вместе с тем существовали и другие, неочевидные на первый взгляд факторы, влияющие на выживание в гораздо большей степени, чем все перечисленное. Речь идет о сознательных поведенческих стратегиях, доступных каждому, кто действительно хотел преодолеть разрушительное воздействие лагеря. Одним из таких поведенческих паттернов, требовавших определенной силы воли, был юмор — способность шутить многие мемуаристы считали важнейшим инструментом выживания. Иронизируя над происходящим, заключенный создавал дистанцию между собой и ситуацией, в которой он находился, юмор помогал преодолевать жестокость, трагизм, бессмысленность и неизбежность происходящего.

Умение видеть красоту природы и наслаждаться искусством (от самых незатейливых «блатных» песенок до профессионально организованной лагерной самодеятельности в некоторых лагерях ГУЛАГа) было не менее мощным и эффективным способом отвлечься от угнетающей лагерной реальности. Эстетические переживания, доставляемые спектаклями, концертами или красотой дикой природы, были редкими, но очень интенсивными. Например, в автобиографической повести «Соловецкие острова» соловецкий узник Геннадий Андреевич Хомяков говорит о театре как о единственном месте, где заключенный может забыть о том, кто он и где находится: «Второе удовольствие тоже уводит в мираж, в иной мир. Это удовольствие для души: соловецкий театр <...>. Дребезжит звонок, умолкает музыка, гаснет свет: распахивается занавес и перед тобой другой мир. Вот тут, если все свое внимание сосредоточить на сцене, если вжиться в пьесу так, чтобы почувствовать себя одним из ее действующих лиц, — ты можешь забыть и о Соловках, и о том, что ты заключенный. Пока открыта сцена, ты будешь ощущать себя полноценным, настоящим человеком, живущим по своему велению и разуму. Но это ощущение можно продлить и в антракте — нужно только замкнуться, ни с кем ни о чем не говорить, стараться ничего не видеть, чтобы не разрушить созданного в душе хрупкого очарования инобытия. А когда

кончится спектакль, надо так же замкнуто, молча, бережно нести в себе пережитое, так, как несут нежный, блекнувший от прикосновения руки цветок...»¹⁵. Многие выжившие в ГУЛАГе заключенные в своих воспоминаниях описывают красоту природы — это могли быть карельский лес, сибирская тайга, дальневосточные сопки... Природа часто становилась причиной сугубых страданий заключенных, когда в лютые морозы полураздетые и голодные люди работали на лесоповале, стоя по колено в ледяной воде, добывали из болот торф или мерзли в воркутинских шахтах. И, тем не менее, возможность бесконвойно прогуляться в одиночку по лесу или хотя бы выйти из барака и посмотреть на вечерний горизонт иногда давала человеку моральные силы, чтобы пережить еще один лагерный день.

Важнейшим ресурсом, помогавшим узнику выжить, была, несомненно, религия: Б. Беттельхейм, как и многие мемуаристы — бывшие заключенные ГУЛАГа (В.Т. Шаламов, В.В. Зубчанинов, О.В. Волков и др.) свидетельствует, что духовенство, верующие миряне, сектанты зачастую оказывались единственной категорией заключенных, способных сохранить самоуважение, человечность, твердые нравственные принципы, духовную свободу и проявлять милосердие к товарищам по несчастью.

Стремление заключенного продолжить профессиональную трудовую деятельность в лагере было напрямую продиктовано интересами выживания, однако далеко не все профессии были одинаково востребованы лагерной администрацией, как в Третьем рейхе, так и в СССР. Лагерное руководство было заинтересовано в хороших портных, сапожниках, кузнецах, жестянщиках, печниках, слесарях, плотниках, парикмахерах, врачах, поварах, ювелирах, инженерах, бухгалтерях и счетоводах, поэтому владение этими специальностями было своеобразной защитой заключенного от тяжелого физического труда на общих работах, где узники быстро становились инвалидами или гибли от истощения, обморожений, издевательств лагерной охраны и ежедневного непосильного труда¹⁶. Во время первоначальной фильтрации из вновь прибывших этапов отбирали также музыкантов и художников, которые могли рассчитывать на некоторые бытовые и режимные льготы.

Ученым, богословам, музыковедам, поэтам, философам, лингвистам, искусствоведам или психологам выжить в лагерях было гораздо сложнее: с точки зрения лагерной экономики они были малоценной,

¹⁵ Цит. по: Андреев Г.А. Соловецкий остров // Грани. № 216. 2005. С. 76.

¹⁶ Рассадин В.Л. «Норильск для меня стал тем фундаментом, на котором я смог построить свою жизнь» // О времени, о Норильске, о себе... Кн. 12 / Ред.-сост. Г.И. Касабова. М., 2012. С. 428–485.

неквалифицированной рабочей силой. Поэтому решение таких заключенных продолжить занятия наукой или творчеством, даже если это не приносило ни улучшения материально-бытового положения, ни облегчения режима содержания, было актом свободного выбора самого человека. Этот волевой акт позволял человеку сохранить жизненную цель, некоторую область свободной деятельности, не связанную с приказами лагерной администрации, и благодаря этому — чувство самоуважения. Другими словами, занятие «бесполезной» с точки зрения лагерной системы деятельностью становилось для узника дополнительным психологическим ресурсом, помогающим ему уберечь свою личность от разрушения, а значит — выжить. Но и участие в научной деятельности в рамках самой этой системы было спасением для узника во всех отношениях.

Здесь можно вспомнить знаменитого математика, химика, философа, священника и богослова Павла Александровича Флоренского, который в 1933 г., находясь в ссылке на Дальнем Востоке, исследовал вечную мерзлоту и ледяные кристаллы, а в 1934–1937 гг., уже будучи соловецким заключенным, присоединился к исследованиям по практическому применению беломорских водорослей — производству из них йода и агар-агара. Исследования материального мира, наравне с богословскими сочинениями, всегда занимали исключительное место в жизни о. Павла, в лагере же научная работа, связанная с изучением водорослей, проводилась Флоренским несмотря на тяжкие бытовые условия, голод, тоску по близким, постоянную слезку за ним как за «контрреволюционером»¹⁷ и доносы на него. Эта деятельность стала важным средством сохранения достоинства и самой личности, упоминания о водорослях постоянно присутствуют в его письмах¹⁸.

Бруно Беттельгейм преследовал ту же цель, что и Флоренский, — сохранить самоуважение и личное достоинство, и придерживался фактически аналогичной стратегии выживания, но он находился в

¹⁷ Был осужден особой тройкой НКВД СССР по ст. 58 пп. 10, 11 (приговор от 26.VII.1933)

¹⁸ № 41. 16–23 декабря, А.М. Флоренской: «...Чтобы ты не беспокоилась, общаю тебе: я здоров, нужды ни в чем не испытываю, работаю в лаборатории над водорослями и сфагнумом, живу в сносных условиях, читаю лекции по математике, пишу всякие технические заметки, целый день, с утра до поздней ночи занят — это необходимо и, кроме того, полезно, т. к. заглушает тоску» ... «Я сижу всецело в водорослях. Эксперименты над водорослями, производство водорослевого, лекции и доклады по тем же водорослям, изобретения водорослевые, разговоры и волнения — все о том же, с утра до ночи и с ночи почти что до утра. Складывается так жизнь, словно в мире нет ничего кроме водорослей. (Лагерь — Соловки. 23.03.1936 г.)». — <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/priroda/1993/11/30-42.pdf> (дата обращения: 10.09.2018).

нацистском лагере, где давление среды на личность было еще более жестким и разрушительным, поэтому его рефлексия приняла более кристаллизованную форму: «Находясь в лагере, я изучал свое поведение и поведение моих товарищей по несчастью не потому, что эта проблема возбудила мой научный интерес. Не отстраненная любознательность, а инстинкт самосохранения подтолкнул меня к анализу. Желание наблюдать и пытаться придать смысл увиденному возникло спонтанно и стало средством убедить себя в том, что моя собственная жизнь еще имеет какое-то значение, что я еще не потерял те интересы, на которых раньше строилось мое самоуважение. А это, в свою очередь, помогло мне выжить в лагере. Следовательно, моя попытка осмыслить психологическую подоплеку происходящего была спонтанной защитой личности от воздействия экстремальной ситуации. Эта защита была выношена лично мной, не была связана с приказом СС или советом другого узника. Она базировалась на моем профессиональном образовании и опыте. И, хотя вначале я не задумывался об этом, новое отношение к окружающему уберегло мою личность от разрушения. Поглощенный, насколько было возможно, интересующей меня проблемой, разговаривая и обмениваясь впечатлениями с товарищами по несчастью, я чувствовал, что делаю что-то конструктивное, и делаю это независимо ни от кого»¹⁹. В тех редких случаях, когда профессиональное образование и долагерный трудовой опыт заключенного оказывались востребованными лагерной администрацией, узник получал уникальный шанс продолжать заниматься любимым делом, обладая и более высоким по сравнению с другими заключенными социальным статусом, и бытовыми, режимными льготами, которые этот статус обеспечивал.

Обратимся теперь к такому психологическому приему самозащиты, как объективация происходящего или, проще говоря, мысленное отделение себя от окружающей лагерной реальности. Несомненно, все члены лагерного сообщества — и заключенные, и надзиратели в той или иной степени прибегали к этому приему, однако чаще это являлось «эскапизмом», бегством в собственные фантазии, мечты о вкусной еде, о досрочном освобождении и реабилитации, о воссоединении с близкими... После этих грез человеку было еще сложнее возвращаться в реальность. Настоящая объективация, понимаемая как самонаблюдение, была доступна не всем, а лишь тем заключенным, кто обладал определенным интеллектуальным, психологическим, эмоциональным ресурсом. Долагерный жизненный опыт Б. Беттельхейма, В. Франкла, о. Павла Флоренского, профессора

¹⁹ Беттельхейм Б. Указ. соч. С. 15.

А.Ф. Лосева, историка Н.П. Анциферова, писателя О.В. Волкова, актрисы М.Р. Капнист, академика Д.С. Лихачева содержал в себе внутренний потенциал, позволяющий им «подняться над» ситуацией и рассматривать себя как объект собственного изучения²⁰.

Универсальным и важнейшим «спасательным кругом», удерживающим «на плаву» любого заключенного, была мысленная связь с любимыми людьми. Франкл полагал, что любовь к близким людям была последней и самой ценной для любого заключенного возможностью «осуществить» себя, придать смысл своему страданию и своей смерти. Именно этим можно объяснить тот феномен, когда люди хрупкого сложения подчас лучше противостояли лагерной действительности, чем более сильные и физически крепкие.

Сопоставление психологических наблюдений Б. Беттельхейма и В. Франкла с биографическим опытом заключенных СССР, отраженным в корпусе эго-документов, привело автора к любопытному выводу: наряду с сознательными защитными стратегиями, или «инструментами выживания», которыми пользовались заключенные, существовали «антизащиты» — устойчивые поведенческие паттерны, ослабляющие личность заключенного.

Те, кто до ареста и попадания в лагерь принадлежал к привилегированной социальной верхушке — советскому номенклатурному кор-

²⁰ Примером применения защитной объективации могут служить наблюдения В. Франкла: «Морозным днем, под ледяным ветром я ковылял в своей колонне из лагеря на рабочую площадку, чуть не плача от боли в ногах, распухших, покрытых язвами и потому втиснутых в незашнурованные ботинки. Ум мой был неотступно занят тысячами проблем нашего жалкого существования: что можно будет съесть сегодня вечером? Если дадут ломтик колбасы, то не лучше ли поменять его на кусок хлеба? Что сделать с последней оставшейся от “премии” сигаретой? Может быть, обратить ее в миску супа? И где раздобыть кусок проволоки для закрепления ботинок вместо той, что уже изломалась? И попаду ли я сейчас в свою привычную рабочую группу, или отправят в какую-нибудь другую, да еще с лютым, постоянно рукоприкладствующим бригадиром? И что бы такое предпринять, чтобы наладить хорошие отношения с тем капо, который может помочь мне достигнуть невероятного счастья — остаться работать в самом лагере и не делать дважды в день этого жуткого марша? Мне самому уже противно, что под давлением жестокой необходимости меня ежедневно, ежедневно одолевают только такие вопросы. И вот тут-то я использую свой прием: в следующее мгновение я вижу себя стоящим на кафедре в большом, ярко освещенном, красивом, теплом зале. Я делаю доклад — и публика, сидящая передо мной в уютных, мягких креслах, заинтересованно слушает. А говорю я о психологии в концентрационном лагере. И всё, что угнетает и мучит меня сейчас, как-то объективируется для меня, видится уже с высоты научного анализа... Этот прием помогает мне подняться мысленно над действительностью, рассматривать ее так, будто она уже в прошлом, уже миновала, а сам я со своими страданиями стал уже объектом интереснейших психологических исследований, мною самим предпринятых». — Франкл В. Указ. соч. С. 65–66.

пусу (сотрудники НКВД, командиры Красной армии, руководящие работники, «старые партийцы»), пытались апеллировать к былым революционным заслугам, преданности партии и вождю, активной общественной работе в прошлом. Идентичность заключенных – коммунистов, всецело конформных советскому режиму, сформировалась «на воле», в привычной для них системе координат, где партбилет обеспечивал его обладателю стабильное движение вверх по карьерной лестнице, высокий социальный статус, общественный авторитет и давал иллюзию личной безопасности. В лагере идентичность партийца оборачивалась против заключенного: эти люди были уверены, что их арест — не более чем досадная ошибка системы советского правосудия... В отличие от опытных узников, ставивших перед собой цель продержаться сначала неделю, затем месяц, заключенный-коммунист обычно искренне верил в то, что в скором времени следствие установит его невиновность, НКВД разберется в деталях дела, и он обязательно будет освобожден. Такие заключенные совершали серьезную ошибку, отказываясь от максимальной бытовой и психологической адаптации к лагерной среде. Впрочем, стоит отметить, что иллюзия скорого освобождения из лагеря была характерна не только для бывших партийцев: многие узники в глубине души надеялись, что их вскоре выпустят и они смогут вернуться к нормальной жизни, но у бывших партработников эта надежда оборачивалась попытками отстранения от лагерной действительности²¹. Осознание же того, что их надежды на освобождение иллюзорны, сопровождалось глубоким мировоззренческим кризисом, крушением политических идеалов,

²¹ Цитируем воспоминания одного из руководителей Коминтерна, известного советского политолога и революционера И.М. Бергер-Барзилая, в 1935–1951 гг. бывшего заключенным Мариинского, Соловецкого и Озерного лагерей: «...Я сам все еще верил в справедливость советского правосудия и с момента ареста решил не говорить ничего, кроме чистой правды». Другой советский партработник, В.Ф. Васильев, оказавшийся в Воркутинских лагерях эпохи «Большого террора», признает, что не только он сам, но и все его сокамерники, узнав свой приговор, до конца не верили происходящему: «Почти никто из нас приговор всерьез не принимал, все полагали, что партия, ЦК не знают о том, что с нами сотворило НКВД и что в конце пути нас ждет освобождение. Лишь один нытик, районный прокурор с забытой мною фамилией, утверждал, что напрасно мы надеемся и что до лагеря, куда нас везут, далеко не все мы доберемся. (Надо сказать, самые худшие его предсказания потом сбылись. Сам прокурор, приговоренный к странному сроку — три года, у всех меньше пяти не было, получил в лагере довесок, еще десять лет. За что? Думаю, сам господь Бог не сказал бы. Но прокурор был осведомленный и, видимо, честный, коли попал в наш вагон)». — *Васильев В.* Вьюги Воркутлага // Печальная пристань / Сост. И.Л. Кузнецов. Сыктывкар, 1991. С. 145–203.

веры в непогрешимость партии, поэтому было особенно тяжким для заключенных-коммунистов.

Безобидными на первый взгляд, но довольно опасными в психологическом отношении были постоянные мечты заключенных о вкусной еде, сигаретах и бытовых удобствах, которые иногда принимали форму коллективных фантазий. Но в лагере всё это было совершенно недостижимо, и разговоры о еде только усиливали постоянное чувство голода и вводили «мечтателей» в состояние жесточайшей фрустрации. Еще одним ярким проявлением общей тенденции к отрицанию реальности лагерного мира и, следовательно, «антизащитой» узников была их склонность верить лагерным слухам вне зависимости от того, были ли они благоприятными или негативными. Неразборчивое доверие информации, передаваемой посредством слухов, объяснялось потребностью узников поддерживать свой моральный дух, но в действительности оно снижало человеческую способность адекватно оценивать ситуацию и усиливало их пассивность. Разумеется, самыми распространенными были слухи о всеобщей или частичной амнистии по случаю очередной годовщины революции, создания СССР, РККА или в связи со сменой наркома НКВД. Эти слухи упорно возрождались наперекор здравому смыслу, но почти никогда не оправдывались. Давид Григорьевич Липняк, в 1936 г. работавший на лесозаготовках в Воркутлаге, очень ярко описывает состояние шока, которое испытали заключенные, верившие слухам о скорой амнистии: «Однажды среди заключенных поползли упорные слухи, будто в Воркуту прилетела специальная комиссия для пересмотра дел заключенных. Слухи подтвердились. С трепетом и надеждой мы ждали результаты ее работы. Неужели свобода? И вот результаты объявлены: по местному радио передается приказ начальника комбината “Воркутауголь”: “По решению специальной комиссии НКВД такие-то и такие-то (перечислены были около 20 фамилий), заключенные в Воркутинском лагере за контрреволюционную деятельность, приговорены к расстрелу. Приговор приведен в исполнение”. Вот вам и пересмотр дела! Вот вам и свобода! Некоторых из перечисленных я знал в лицо. Ничем они вроде не отличались. Одного знал хорошо — это врач, очень добродушный, внимательный, веселый, стремившийся облегчить участь заключенных. И мне очень помог, избавил от головных болей, от которых я страдал всю жизнь»²². Шок и разочарование, которое

²² Липняк Д.Г. На Воркуте //... Иметь силу помнить: Рассказы тех, кто прошел ад репрессий / Сост. Л.М. Гурвич. М., 1991. С. 220–227.

испытывали заключенные как немецких, так и советских лагерей, убеждаясь в ложности слухов и неисполнимости фантазий, связанных с едой, негативно влияло на их моральное состояние, снижало адаптивность и уменьшало шансы на выживание в лагере.

Серьезной внутренней проблемой для узника становилась его агрессивность, порождаемая экстремальными условиями концентрационного лагеря, голодом, сверхэксплуатацией и полным отсутствием возможности уединения в течение всего срока заключения. Разумеется, раздражение на других заключенных и ярость по отношению к лагерной администрации нельзя считать сознательно избранной поведенческой стратегией, так же как и склонность верить слухам или постоянное обсуждение темы еды, но любое действие и любой разговор в лагере могли либо облегчить жизнь заключенного, либо сделать ее невыносимой.

Стереотипно-враждебное восприятие лагерной администрации, ощущение себя жертвой политического режима, которую государство выбрало для наказания и, в связи с этим, отрицание персональной ответственности за свою жизнь и свое поведение в лагере вводили заключенного в состояние заученной беспомощности, ослабляли его личность.

Наконец, для тех немногих заключенных, которые оказались способны адаптироваться, выстроить индивидуальную защитную стратегию и с ее помощью выжить в лагере, наступала третья психологическая стадия — стадия выраженной деперсонализации в момент освобождения из лагеря. Эго-документы заключенных ГУЛАГа, как и опыт В. Франкла, свидетельствуют о том, что узникам трудно было поверить в свое освобождение: они находились в состоянии эмоциональной опустошенности и испытывали растерянность, часто не вполне осознавая происходящее с ними. Травматичным, сложным и далеко не всегда успешным для бывших заключенных был процесс реинтеграции в гражданское общество.

Рассмотрение различных методов психологической защиты, используемых заключенными, порождает ряд серьезных вопросов: что мы понимаем под термином «выживание»? кто имел наибольшие шансы выжить в экстремальных условиях? каковы пределы влияния лагерной среды на человека? как менялась идентичность человека, пережившего лагерь? Суммарный опыт узников ГУЛАГа и немецких лагерей свидетельствует о том, что выживание человека в лагере определяли два принципиальных фактора: стремление придать смысл своей жизни и способность при любых обстоятельствах сохранить некоторую область свободы мысли и действия. Вера в свое будущее

и ориентация на значимую цель в нем, например, надежда на встречу с родными и любимыми людьми, мобилизовывала внутренние ресурсы заключенного, обеспечивала его необходимой моральной поддержкой и являлась важнейшим условием выживания.

Любой заключенный, даже находившийся на самом «дне» лагерной иерархии, в самых тяжелых и неблагоприятных для выживания условиях, занятый самым грязным и тяжелым трудом, имел возможность действовать или не действовать по собственной воле — есть всё, что дают, совершать физиологические отправления, спать, читать, смотреть на небо, молиться, продолжать заниматься любимым делом (например, наукой) — вместо участия в обсуждении лагерных слухов или проявления агрессии в адрес других заключенных, тех действий, которые приводили к эмоциональному и психологическому истощению. Беттельхейм усвоил этот ценнейший психологический совет от политзаключенного-немца, рабочего-коммуниста, который находился в Дахау уже четыре года и был лагерным «старожилом». Говоря о пределах влияния лагерной среды на заключенного, ученый признаёт ее глубоко разрушительный потенциал, однако, по мнению Беттельхейма, «то, что лагерь из него якобы “делает”, — результат внутреннего решения самого человека». Бесспорно, лагерный социум способствовал проявлению зла в человеке, но в то же время в экстремальных условиях открывались и достойные качества, о которых узник даже не подозревал ранее, живя обычной жизнью. Беттельхейм, на собственном опыте познавший тотальное разрушительное влияние лагеря, приходит к важнейшему выводу: каждый заключенный менялся в зависимости от того, как он поступал, в зависимости от сделанного им нравственного выбора.

Подводя итог беглому рассмотрению защитных поведенческих стратегий и адаптивных сценариев, важно определить, о каком именно «выживании» мы говорим в контексте опыта советских и немецких заключенных. Речь идет только о личной безопасности и поддержании физического здоровья, или выживание — это более емкое и дифференцированное понятие, включающее в себя сохранение личностной духовной автономии в экстремальных условиях? Часто уберечь свою личность от разрушения в условиях постоянного голода, произвола лагерной администрации, агрессии других заключенных, антисанитарии, отсутствия возможности уединиться даже во время физиологических отпращиваний, ежедневного непосильного труда и неопределенности будущего можно было только «расколотившись» на две части: внутреннюю, которая пыталась сохранить себя, и внешнюю, которая была вынуждена осознанно уступать, подчиняться и адаптироваться. Для этого заключенный должен был

обладать внутренней «последней чертой», за которой находились его немногие фундаментальные, базовые убеждения. Чтобы продолжать оставаться человеком, этими убеждениями и ценностями нельзя было поступаться ни в коем случае, даже рискуя жизнью, — иначе человек сохранял жизнь, уже потерявшую свою ценность. Но и в тех случаях, когда заключенный вынужден был подчиняться унижительным, абсурдным или аморальным командам, у него все же оставалась свобода выбирать свое собственное отношение к происходящему, оценивать свои поступки и тем самым оставаться человеком.

References

Andreyev G.A. *Solovetskiy ostrov* [Solovetsky Island] // *Grani*. № 216. 2005, pp. 36–78.

Bettelheim B. *Prosveshchennoye serdtse* [Enlightened Heart] // *Chelovek*. 1992. № 3, pp. 74–85; №4, pp. 55–64; №5, pp. 48–59; №6, pp. 50–71.

Frankl V. *Skazat' zhizni "Da!": psikholog v kontslagere* [To Say Yes To Life: a Psychologist in the Concentration Camp]. Moscow: Al'pina non-fiction, 2011. 240 p.

Solonevich B.L. *Molodezh' i GPU* [Youth and GPU] // *Vospominaniya solovetskikh uznikov* [Solovki prisoners' Memoires]. Vol. 2: 1925–1928. Solovki: Solovetskiy Monastery Publishing, 2014, pp. 356–426.

Поступила в редакцию
9 октября 2018 г.